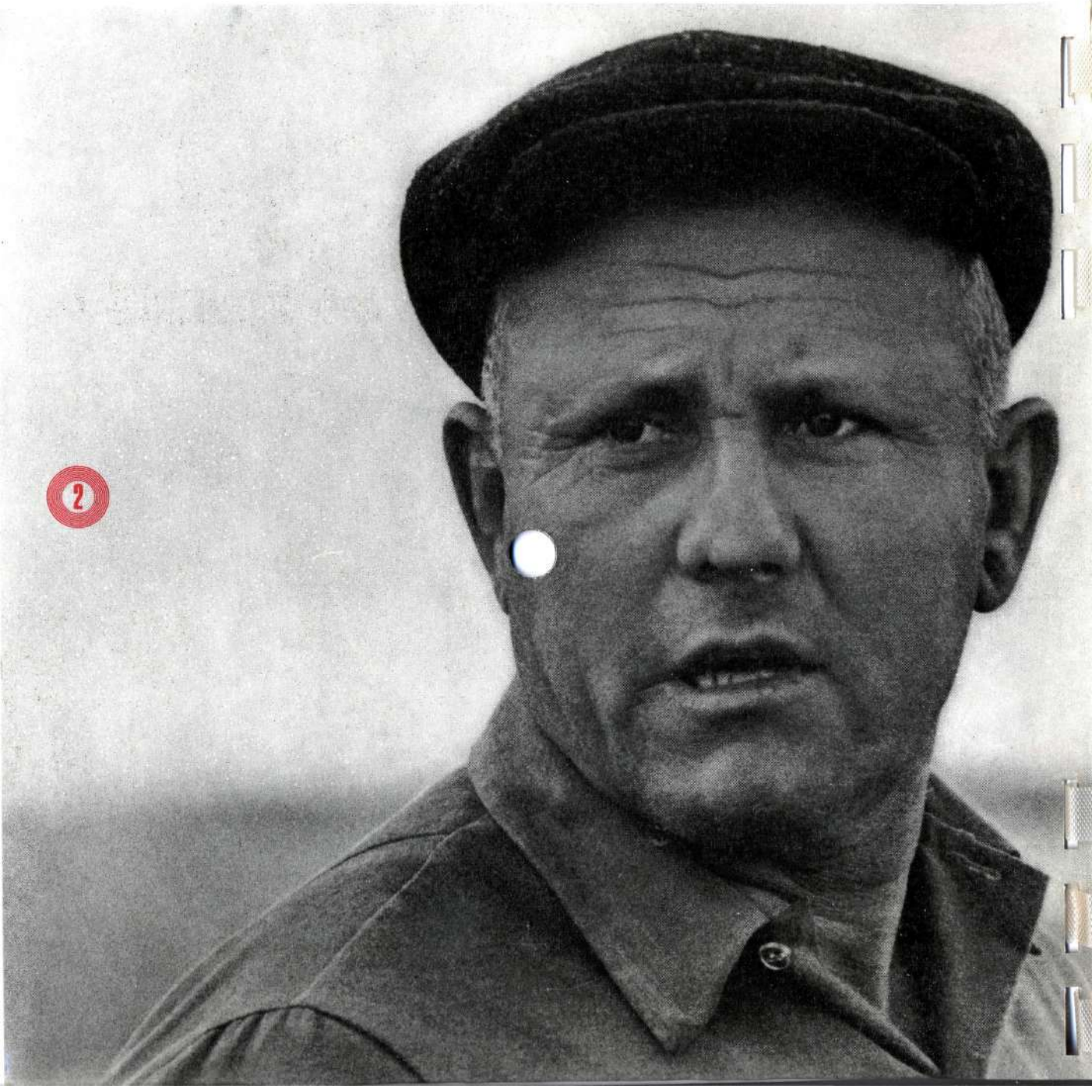

9 Кругозор 71

2

Два человека. Никакого внешнего сходства. Далеко не ровесники. У каждого — свое дело: Павел Пантелеймонович Лукьяненко — ученый, академик, а Михаил Иванович Третьяков — колхозный бригадир.

А ведь не смогли бы эти люди и шага сделать один без другого. Потому что важны бригадиру результаты опытов академика. А Лукьяненко, в свою очередь, необходимо, чтобы проверял всякий раз Третьяков новый сорт пшеницы в полевых условиях.

Рассказ о бригадире Михаиле Ивановиче Третьякове — на звуковой странице. А здесь познакомимся с академиком Павлом Пантелеймоновичем Лукьяненко.

Он родился на Кубани и ни разу за семьдесят прожитых лет не покидал ее надолго. Он искал новые сорта хлеба так самоотверженно, как будто от того, появятся ли они, зависело, будет ли жить он сам.

Сорок второй год застал его на селекционной станции. Павел Пантелеймонович принял на плечи все заботы об эвакуации имущества станции и главное — мировой коллекции пшениц, ценнейшего собрания Николая Ивановича Вавилова.

Это были пшеницы, собранные со

всего света. Он сумел тогда вывезти коллекцию в надежное место. Он не сумел уберечь от войны сына. Подросток остался в городе. Он пробирался в лес, и партизанам. Но оказалось, те, кому доверились ребята, переодетые полиция.

Сына расстреляли на отцовском поле. Ему было шестнадцать лет. Лукьяненко суровый и не очень щедрый на слова человек, зато он щедр в другом.

Сорок лет поиска в селекции, сорок сортов пшениц. Целые водопады зерна. Знаменитая «безостая». Она прославилась Кубань, завоевала Европу, но теперь на кубанских полях уступает место новым сортам — «Авроре» и «Кавназу». Когда-то пределом мечтаний был колос весом чуть больше половины грамма, а у «безостой» он весит целый грамм, а у «Авроры» и «Кавназа» — тяжелее вдвое!

Когда попадаешь в лаборатории академика Лукьяненко (его опытная селекционная станция выросла в Научно-исследовательский институт сельского хозяйства), кажется, здесь знают все и о будущем колосе и о каждом зернышке в нем.

— Загадок у хлеба еще очень много, — говорит Павел Пантелеймонович. В самом деле, в старые времена селекционер искал сорт, который вопре-

ки даже непогоде обеспечил бы просто хороший урожай. Хороший урожай — и только. Теперь этого мало. Селекционер усложняет себе задачу. Он хочет повысить в пшенице содержание и качество белка. Того самого белка, во имя которого пашет человек землю и сеет хлеба. Но и это не все. Пшеница и прочие зерновые бедны лизином, в них мало аминокислот, которые, оказывается, так нужны организму человека. И ученый прикидывает: а нельзя ли «догрузить» пшеницу и этим богатством?

Вот над чем работает академик Лукьяненко. Работает не в одиночку, как это было много лет назад. У него большие научные коллективы. Изучаются тысячи сортов пшениц, для продолжения опытов отбираются самые перспективные. Что стоит в конце цепочки опытов? Новые пшеницы. А значит, новый всплеск урожайности. — Так сколько с гектара будем собирать завтра, Павел Пантелеймонович? Академик краток:

— Сто центнеров. Достаточно? Я вернулся с Кубани недавно. Я привез в Москву пучок пшеничных колосьев. По вечерам в моей комнате пахнет жатвой. Той самой, отзвуки которой — на первой звуковой странице, где о цене хлеба в полный голос говорит бригадир Михаил Третьяков.

ЧЕРТА ХАРАКТЕРА —
ЩЕДРОСТЬ

ЗЕРНО

В. ПОЛЯКОВ

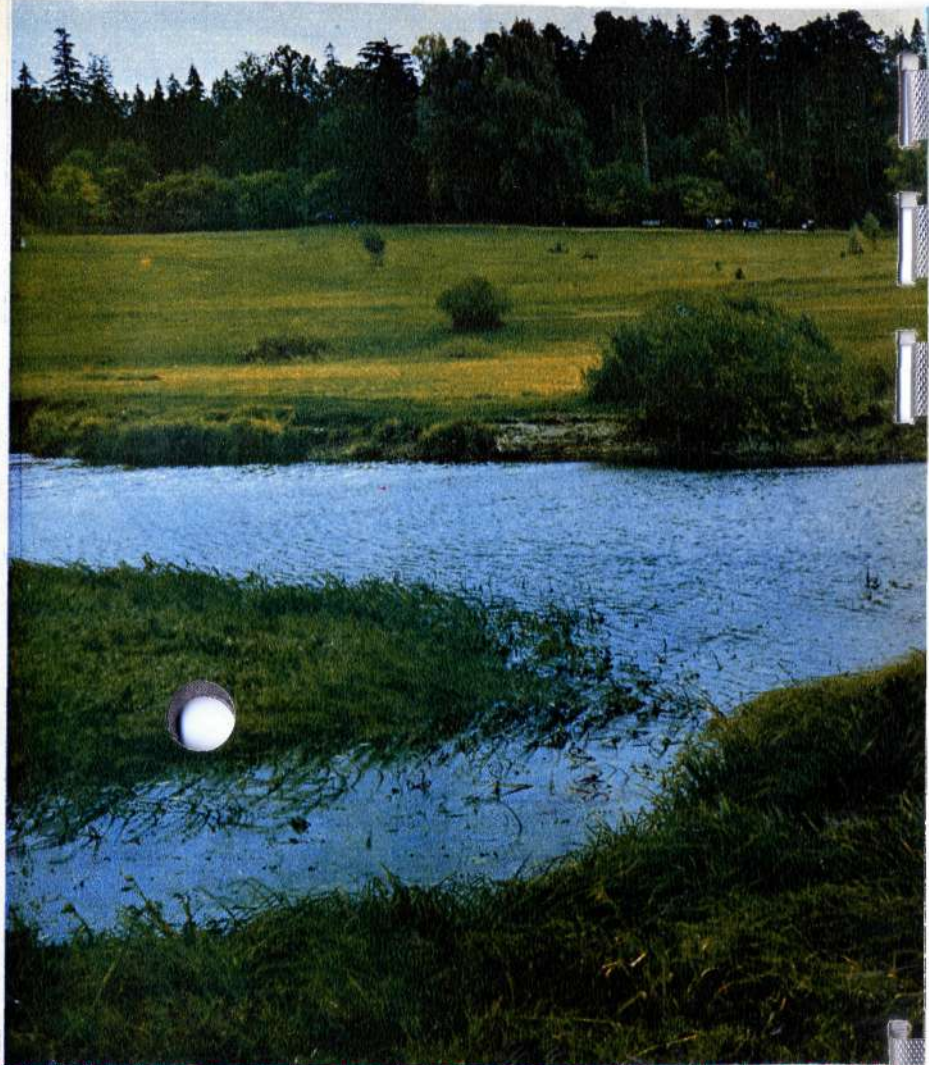

Фото А. Лидова

РАЗБУДИТЕ МЕНЯ НА ЗАРЕ

Из записок охотника

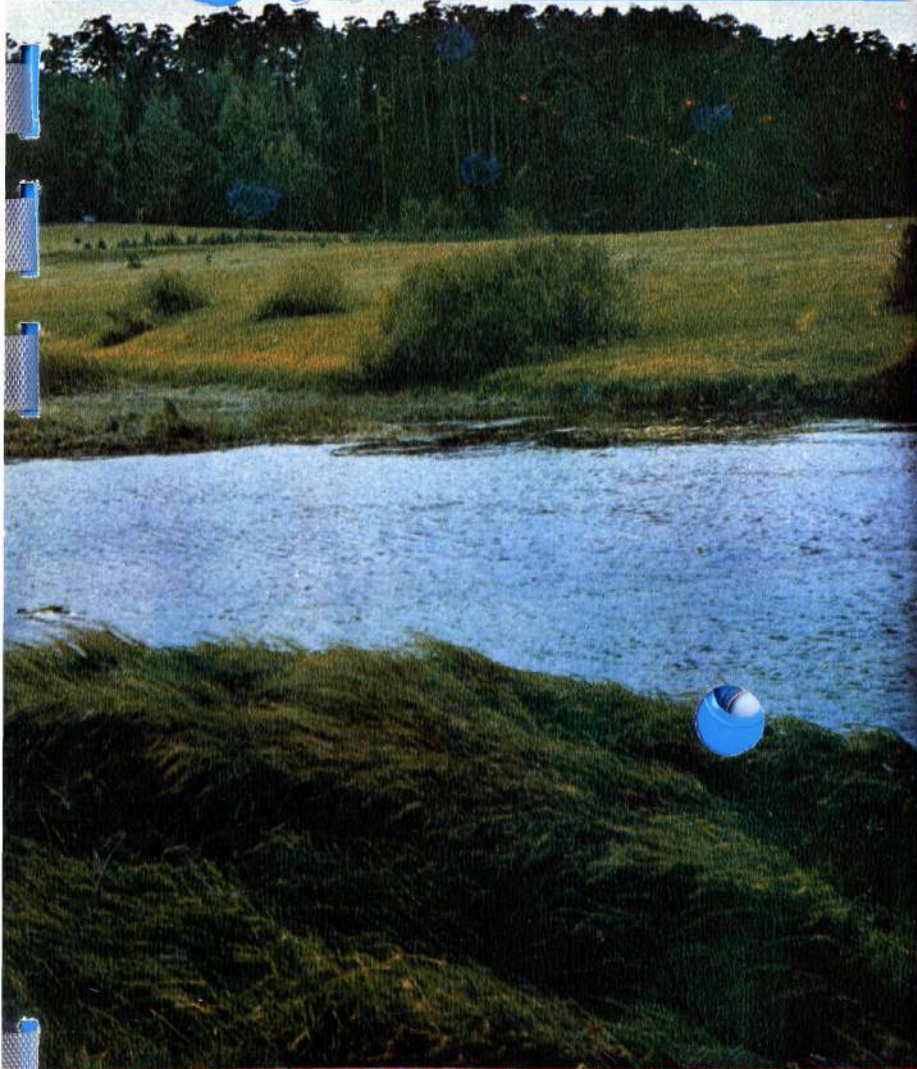

Георгий СЕМЕНОВ

Ни тьмы на земле, ни света — одно лишь предчувствие близкой зари, которая далеким своим отсветом чуть приподняла над гребнем леса восточный край неба, пропитав его влажной и холодной серостью, — час, когда спят еще люди, не ведая в своих снах, что жизнь уже проснулась на земле. Под ногами хрустит натянутый за ночь ледок, и хруст шагов грохотом

катится по мерзлой весенней земле. В стреляющем этом грохоте гибнут звуки журчащей в затопленных кустах полой воды, гулькающие подо льдом, тихие звоны текучей вешней влаги. Все молчит, все убито грохотом твоих шагов, словно мертва земля, скованная тьмой и ночным морозцем... И один лишь ты, ломая тишину, торопишься, подгоняемый страстью, к дальнему углу разлива, веря и не веря в близкий рассвет. То ли глаза привыкли уже к сумереч-

ной тьме, то ли земля в своем вращении приблизила тебя и все, что вокруг тебя: долину реки, лес, затопленные деревья и кусты, — к той границе дня и ночи, в преддверии которой находишься ты, но теперь уже отчетливо виднеются груды деревьев и плоскости разливов, глазу стало привольней, все словно бы раздвинулось вокруг, и небо стало прозрачнее, четко обозначив тьму далекого леса. Но все это где-то там, далеко еще от тебя, а ты в ночи, и нет еще света на зем-

*«Я нахожусь... Попросту говоря, я сижу в болоте, в центре поляны. Вокруг — заповедный лес... Начинается великое священнодействие природы...»
Слушайте на четвертой звуковой странице репортаж Рюрика Пестовского «Охота без единого выстрела».*

ле, и не видит тебя никто, только грохот твоих шагов выдает тебя... Но замри — и ты услышишь в это предзоровое, ночное мгновение, как играют в темном небе в брачных своих полетах печальные чибисы над лугами, как в шумном и стремительном полете, посвистывая крыльями, пройдут в гулкой тишине неба стайки кряковых уток, как закричит дикая утка, услышав в небе страстное «шварканье» селезня, и летающий крик ее будет то удаляться и умол-

кать, то снова радостно плыть над тобой, чередуясь с щиплющим звоном селезневого голоса... Пронесется чирок, огласив округу грустными и словно бы растворяющимися в небе, в тишине ночи тихими посвистами. Звуки ли голосов похожи на гульканье и журчание вешней воды или бег воды похож на голоса сумеречных птиц? И так просторно вонруг от этих звуков, так хорошо чувствуется огромность мира, все его расстояния! Медленный и бесповоротный ход вре-

мени от тьмы к свету. И ты, стоящий с ружьем и подсадной уткой, тоже плывешь недвижимо к рассвету, и радостям близкой уже зари, и восторгам своей охотничьей страсти. Тайная, сокрытая от людей жизнь звенит своими голосами в светлеющем небе, а ты один из немногих, кто не спит в этот час, тоже звучаешь гулким своим сердцем, тоже наполняешь мир своей страстью, ты — старший сын природы... Или младший ее сын, познавший величие и красоту всей этой жизни. ►

